

А. М. ПЛОТНИКОВА

*(Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург)*

ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА «УГРОЗА»⁴

Аннотация. В статье рассматривается угроза как речевой акт и как дискурсивная стратегия. Угроза предполагает деструктивное воздействие на адресата речи и направлена на ухудшение его эмоционально-го состояния. Для достижения коммуникативного эффекта адресант угрозы осознанно использует лингвокреативные механизмы, целью которых является формирование страха у адресата речи. В основе этих механизмов лежит стратегия детализации действий, осмысляемых говорящим как справедливое возмездие. Адресант угрозы демонстрирует изобретательность в выборе способов осуществления угрозы, используя приемы интенсификации наказания. Рассматриваются приемы, основанные на использовании образных средств языка, прецедентных знаков, грамматических и семантических аномалий. Лингвокреативные механизмы используются с целью маскировки интенции угрозы, что обусловлено социальной табуированностью речевого акта «угрозы» и юридической ответственностью за высказывание угроз.

Ключевые слова: угроза, речевой акт, дискурсивная стратегия, лингвокреативность, речевое воздействие.

Структура речевого акта угрозы, его связи со смежными речевыми актами, такими как предостережение, предупреждение, побуждение, совет, описаны в работах А. Н. Баранова, А. Вежибицкой, М. Г. Безяевой, М. Я. Гловинской, А. Ю. Масловой и др. Угроза рассматривается как конфликтный речевой акт, в семантике которого присутствует два компонента: это побуждение к совершению действия в интересах говорящего и обещание

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02005)

негативных последствий в случае неповиновения [Гловинская 1983: 80]. Лингвистические исследования направлены на установление пропозиционального содержания угрозы и языковых средств ее выражения: интонационных, лексических и грамматических. Наиболее типичной формулой угрозы является предложение с придаточным условия («Если ты не..., то я...»), однако репертуар средств настолько разнообразен, что их систематизации посвящены диссертационные и монографические исследования М. Г. Безяевой [Безяева 2002], В. В. Быстрова [Быстров 2001], Д. О. Жучкова [Жучков 2010], Н. В. Хохловой [Хохлова 2004] и др.

В психологии подчеркивается деструктивная сущность угрозы и те эмоции, которые становятся причиной появления угроз. В работе К. В. Злоказова и А. Ю. Софроновой, выполненной на материале анонимных угроз, сделан акцент на реальности осуществления угрозы: *«Я хочу сжечь кабинет директора»* еще не говорит о готовности сделать это. Другое дело, если человек определяет условия претворения угрозы в жизнь, детализирует модель действий: *«Если мне не дадут зарплату, я принесу канистру с бензином, оболью стол директора и подожгу»*. Исследования, выполненные на материале английской речи, показывают, что люди, операционализирующие интенцию, чаще достигают своих целей [Злоказов, Софронова 2016: 102].

В последние годы угроза неоднократно становилась предметом рассмотрения в аспекте лингвистической экспертизы текста [Баранов 2013, Бринев 2009, Шахматова 2015], что вполне естественно, так как угроза входит в состав ряда законодательных норм. В теории права угроза рассматривается как вид психического насилия над личностью, чьи права и интересы охраняются законом.

Т. Б. Радбиль и В. А. Юматов, характеризуя угрозу в аспекте проблем лингвистической экспертизы, выделяют следующие условия успешности речевого акта «угроза»:

1) предварительные условия:

а) наличие определенного психологического состояния враждебности говорящего и наличие адресата или объекта угрозы;

б) физическая возможность говорящего осуществить требуемое действие;

2) существенное условие: четко оформленное намерение (обещание) нанести вред кому-либо, что в общем и относит данный акт к классу комиссивов (акты, в которых говорящий берет на себя обязательство совершить какое-либо действие);

3) условие искренности: говорящий искренне намерен совершить данное действие, но не в любом случае, а при условии неисполнения необходимых с его точки зрения требований;

4) условие пропозиционального содержания: акт угрозы должен относиться к плану будущего времени (как и любые другие речевые акты обещания или побуждения) [Радбиль, Юматов 2015: 108-110].

Регулярное совмещение угрозы с другими речевыми актами и жанрами (предложения, предупреждения, совета) также создает трудности в лингвистическом анализе. Например, склоняя Ю. к увольнению, П. произносит: *«Я предлагаю тебе простой вариант, самый простой: ты сейчас пишешь заявление, сегодня последний день, деньги получаешь, и до свидания, все. В противном случае я буду вынужден: выговор один есть, сейчас оформляем выговор, второй есть. Понедельник, вторник, среду – запись в трудовую. Выбирай!»* Говорящий начинает с конструкции «я предлагаю», которая, на первый взгляд, сигнализирует о речевом акте предложения, однако далее он обозначает условия невыполнения предложения (*«в противном случае»*), что переводит высказывание в разряд угроз: адресат должен выполнить требования, а их невыполнение приведет к наказанию. Формально предоставляя адресату речи выбор (то есть произнося «Выбирай!»), говорящий на деле не оставляет возможности выбора, так как невыполнение требований приведет к выговорам и записи в трудовую книжку. Следовательно, в данном фрагменте, несмотря на нейтрализацию иллокутивной силы угрозы и ее маскировку под предложение («предлагаю») реализовано значение угрозы-побуждения.

Поскольку угроза представляет собой асоциальное действие и высказывание угроз может иметь правовые последствия, то говорящий использует приемы маскировки речевой цели угрозы. При этом возникает конфликт между желанием уйти от пра-

новой ответственности и намерением такого речевого воздействия, которое оказало бы максимальный прагматический эффект на адресата. Одним из способов решения такой коллизии служат лингвокреативные механизмы. По словам Т. А. Гридиной, интерпретация вербальной креативности в психолингвистическом освещении «связывается с механизмами лингвокреативного мышления, в основе которого лежит способность говорящих к ломке и переключению ассоциативных стереотипов, созданию нового речевого продукта на базе переработки уже существующего языкового материала» [Гридина 2008: 14; см. также: Гридина 2016]. В исследуемом материале лингвокреативные механизмы реализуют антиэстетические функции, а игровой лингвистический код используется с целью выражения речевой агрессии.

Как показывает практика судебной лингвистической экспертизы по делам об угрозе, игровой код чаще всего используется для экспликации наказания. Говорящий демонстрирует изобретательность, изощренность в выборе методов наказания. Например, в высказывании *«Готовься поменять свой статус патентоведа на импотента»* использован прием паронимазии, при котором выбор номинации обусловлен необходимостью дискредитации объекта угрозы.

Более сложный механизм, основанный на трансформации прецедентного высказывания, использован в высказывании *«Докурю тебя до окурочка, Леночка»*, в котором основанием для ассоциативной обработки служит строчка песни А. Новикова *«Выгорает до окурочка... Дурочка!»* Адресованное судье и отправленное в виде смс-текста высказывание актуализирует метафорически выраженный смысл уничтожения объекта, хотя и не содержит указания на конкретный способ совершения действий.

В материалах, становившихся объектом судебной практики, имеются высказывания, в которых осуществляется детализация угрозы с указанием на последовательность совершения действий. Например, в последнем слове обвиняемый произносит текст с внутренней рифмой (читает рэп): *«Ведь выйду я скоро, надену на шею крестик, возьму в руки пестик и буду по своему черному списку отстреливать каждому из вас мениски»*.

Как указывает М.Г. Безяева, «угроза «любит» гиперболизацию и метафоричность, поэтому даже при экспликации конкретного возмездия часто называется действие, которое далеко не всегда реально будет и может быть выполнено» [Безяева 2002: 493]. В результате вместо конкретного действия-возмездия используются фразеологические обороты *зубами загрызу*, *башку оторву*, *сотру в порошок* или иные конструкции (например, *порву тебя на флаг Великобритании*), эксплицирующие желание говорящего совершить некоторое отрицательное действие, которое реально не может быть реализовано. Квалификация подобных высказываний как угроз требует анализа коммуникативной ситуации, так как отсутствие побудительной агрессивной интенции может переводить такие высказывания в шутку, например, так происходит в фильме «Подкидыш», где брат, уходя, говорит своей маленькой сестре: *«Сейчас же спи до двух часов. Если до двух часов пикнешь – я тебе голову оторву!»*

Угроза допускает появление таких импликатур, которые требуют от адресата достраивания элементов угрозы: *«Проще промолчать, чтобы родные потом не оплакивали тебя»*. Однако и сам адресант угрозы эксплицирует свое участие в совершении наказания. Угроза может быть связана с коммуникативной целью клятвы, обладая суггестивной силой. Говорящий готов совершить действия даже в том случае, если они причинят ему самому ущерб: *«Но ты у меня будешь привлечен к уголовной ответственности. Я тебе даю слово офицера. Вот тебе ксива моя. Если я не привлеку тебя к ответственности, я съем ее. Давай на спор. Вот свидетель»*; *«Я клянусь своим сердцем, что она забудет, как выглядит в реале»*.

Содержание угрозы может быть восстановлено с опорой на коммуникативный контекст, препятствующий буквальному пониманию значения слова и позволяющий восстановить угрозу, выраженную в форме намека. Такой случай обнаруживается в приведенном ниже диалоге:

А: На дне рождения, как мне помнится, ты был в розовом галстуке.

Г: У меня не было никогда розового галстука. Почему розовый?

А.: Он красивый. Я так хочу.

С: Почему не желтый, не зеленый?

А: Он догадается. Мы друг друга поняли.

Коммуникативный контекст, в котором прозвучало спорное высказывание, имеет официальную направленность, связан с расследованием преступлений и конкретными следственными действиями (очная ставка между обвиняемым и подозреваемым в уголовном преступлении), характеризуется наличием общих фоновых знаний собеседников, которые знакомы много лет).

Слово «галстук» в переносном значении в сочетании с прилагательным цвета (*красный* и т.п.) или оттопонимическим прилагательным (*колумбийский, итальянский, мексиканский* и т.д.) указывает на смерть посредством удушения, на то, что у жертвы перерезано горло. Словосочетание «*красный галстук*» представляет собой метафорический перифраз. Перенос обусловлен сходством раны на шее жертвы и вытекающей из нее крови с галстуком красного цвета (сходство по форме и по цвету).

В исследуемом высказывании употреблено словосочетание не «*красный*», а «*розовый галстук*», которое не зафиксировано в толковых словарях. Использование говорящим выражения «*розовый галстук*» в том контексте, который предполагает употребление кодифицированного словарями выражения «*красный галстук*», может быть обусловлено несколькими причинами либо их совокупностью. В исследуемом случае с большой степенью вероятности можно говорить о том, что адресант в высказывании «*На дне рождения, как мне помнится, ты был в розовом галстуке*», используя выражение «*розовый галстук*» вместо общепринятого «*красный галстук*», неточно воспроизводит цвет на основании синонимичного сходства лексем «*красный*» и «*розовый*». Говорящий намеренно искажает лексический состав фразеологизма, так как, не имея возможности в условиях следственного действия прямо высказать угрозу, стремится ее замаскировать под воспоминание. При переносном значении выражения вне зависимости от причин, по которым говорящий произвел замену прилагательного, общий смысл словосочетания сохраняется: «*зарезать кого-л., убить ударом ножа в шею*».

Информация о грозящих адресату неприятностях представлена в имплицитной форме, но восстанавливается из контекста. В этом случае значение высказывания в целом: «*быть тебе в*

розовом галстуке», то есть «*быть тебе с перерезанным горлом*», «*убитым ударом ножа в шею*». Конечно, существует вероятность того, что говорящий вследствие каких-либо психологических причин прервал очную ставку немотивированным личным воспоминанием, на что указывают конструкция «*как мне помнится*» и выбор формы синтаксического индикатива прошедшего времени, однако коммуникативная ситуация препятствует такому пониманию значения высказывания. Анализ коммуникативной ситуации в данном случае имеет определяющее значение для установления коммуникативных целей и характера взаимодействия между коммуникантами.

Следовательно, анализ угрозы как дискурсивной стратегии предполагает учет коммуникативной ситуации, тональности общения, специфики коммуникативного взаимодействия и выбора коммуникативных стратегий и тактик.

Лингвокреативные механизмы конструирования речевого акта угрозы, с одной стороны, направлены на маскировку коммуникативной интенции, а с другой, – служат средством актуализации агрессивной тональности, присущей угрозе.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н. Семантика угрозы в лингвистической экспертизе текста // Международная конференция по компьютерной лингвистике «Диалог – 2013». URL: <http://www.dialog-21.ru/media/1223/baranovan.pdf>.

Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. – М., 2002.

Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. – Барнаул, 2009.

Быстров В.В. Функционально-семантический анализ менаживных диалогических реплик. Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Тверь, 2001.

Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов //Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. – М., 1993.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. – Екатеринбург, 2008.

Гридина Т.А. Лингвокреативные механизмы порождения текста: экспериментальный ресурс языковой игры. Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2016. №7.

Жучков Д.О. Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа (на материале английского языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2010.

Злоказов К. В., Софронова А. Ю. К оценке риска воплощения анонимной угрозы // Политическая лингвистика, № 3 (57), 2016.

Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Выявление языковых и содержательных признаков речевого акта угрозы в экспертной деятельности лингвиста // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015, № 9.

Хохлова Н.В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Самара, 2004.

Шахматова Т.С. Речевой акт косвенной угрозы в практике судебной лингвистической экспертизы // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки», 2015. Т. 154, кн. 5.

©Плотникова А.М., 2017